

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию
ПЛАТОНОВА РОМАНА СЕРГЕЕВИЧА,
представленную на соискание
ученой степени кандидата философских наук
на тему «Коммуникативная интерпретация этики Аристотеля»
по специальности 09.00.03 – История философии

Одним из заметных трендов западноевропейской философии второй половины XX века (особенно в аналитической философской традиции) стал своего рода Ренессанс Аристотелевой этики и метафизики. В этике он возник чуть раньше и прежде всего – в зарубежных исследованиях, но затем распространился и на отечественную этическую мысль. В метафизике – в последние десятилетия предыдущего века и – особенно – в наше время (возникло даже целое направление – нео-аристотелевская метафизика).

Диссертация Р.С. Платонова, посвященная Аристотелевой этике добродетелей, находится в русле современных этических штудий и достойно представляет российские историко-философские и этические исследования на европейской философской сцене.

Актуальность диссертации обусловлена, прежде всего, тем фактом, что именно аристотелевская этика в нынешние времена призвана устранить те перекосы и наметить выходы из тех тупиков, которые создали другие этические направления (нормативизм и утилитаризм, в частности). Одно только обращение при анализе мотивов и целей морального поведения индивида к человеческой природе и общению позволяет преодолеть жесткий формальный подход к нравственным характеристикам действий людей и, соответственно, «гуманизировать» характер этических концепций, что само по себе обладает безусловной актуальностью.

Анализ этики Стагирита и ее коммуникативная интерпретация, осуществленные в диссертационном исследовании Р.С. Платонова, обладают, если

позволено будет так выразиться, двоякой актуальностью. С одной стороны, диссертация представляет собою добротное историко-философское исследование, направленное на актуальную и социально значимую тематику. Этот аспект я назвал бы историко-философской актуальностью. С другой – обращение диссертационного исследования к таким моральным ценностям, как добродетель и счастье не может по определению не быть актуальным в любые времена. И это – этическая и моральная актуальность.

Учитывая эти факты, нельзя не приветствовать появление диссертации, посвященной – одновременно – и насущным и вечным проблемам и темам.

Очевидная новизна диссертации заключается в том, что автор – в отличие от общепринятых и распространенных подходов к этике Аристотеля – тематизирует ее с точки зрения человеческой коммуникации. При этом сама коммуникация рассматривается в полном объеме: и как межличностное общение, и как полисное и – что особенно следует подчеркнуть – в качестве аутокоммуникации. Отталкиваясь от гносеологического и онтологического статуса индивида, автор убедительно демонстрирует, что моральное поведение есть вместе с тем и энергичное самоосуществление человека. Такой подход является безусловно новым и чрезвычайно плодотворным.

Новизна диссертации отчетливо проявляется также и в том, что Р.С. Платонов связывает этическое учение Аристотеля с его метафизикой и, в частности, с учением о четырех причинах. Нет сомнений в том, что фундаментальная метафизическая концепция Стагирита лежит в основании всех других разделов философии основателя Ликее. Однако «синтетический» подход, продемонстрированный автором диссертации, впечатляет своей новизной и оригинальностью.

Первая глава диссертации посвящена анализу взаимодействия метафизики Аристотеля и его этического учения. Следует отметить методологически грамотный и зрелый подход автора диссертации к исследованию основной темы: прежде чем приступить к рассмотрению коммуникативной стороны этического учения и морального действия, Р.С. Платонов изучает, если можно так выразиться, «условия возможности» коммуникативного морального

действия самого по себе и обращает внимание, прежде всего, на гносеологический и онтологический статусы человека.

В основании познавательной деятельности как таковой автор выделяет триединую последовательность гносеологической и практической активности: так называемые *знание «что»* (теоретическое содержание знания *вещи*), *знание «как»* (практический и операциональный аспект знания) и само *непосредственное действие*. При этом *знание «как»* выступает связующим звеном, проводником и медиатором между умозрительным знанием сущности и эмпирическим (практическим) действием (с. 56-57). Автор справедливо указывает на то, что знание сущности и механизма воздействия практического *знания «как»* представляет наибольший интерес для этики в целом и понимания конкретного морального поступка. Таким же образом оценивал значение этого вида знания и сам Аристотель: важно знать, что такое добродетель, но гораздо важнее – быть добродетельным.

Имеющаяся у человека и действующая структура видов знания (с учетом ограничивающего воздействия «успокоения» души) позволяет человеку мыслить «энтелехийный» аспект вещей и действий, но пока еще не «энергийный». Аристотель пытается преодолеть это ограничение с помощью концепции времени. – Изменчивость познаваемого сущего, в итоге, интерпретируется Стагиритом как онтологическая трилемма существования: одно существует только в действительности, другое – в возможности, третье – и в возможности, и в действительности (с. 67-68). Таким образом создается «новая онтология». Автор диссертации справедливо усматривает в концепции четырех причин («Формуле четырех причин») гносеологический инструмент всеобъемлющего анализа «энергийного» аспекта сущего как такового и конкретных моральных действий (с. 68).

Анализ онтологического статуса человека в метафизике Аристотеля приводит диссертанта к выводу о том, что «формула четырех причин» является одновременно и «формулой бытия» (с. 70), и, стало быть, сущность человека можно понять (познать) только исходя из способа его бытия. Человек же раскрывается прежде всего через принадлежность к человеческому сущему как

таковому, т.е. через его включенность в род. Сам же человеческий род предшествует отдельному человеческому существованию, из чего вытекает главная экзистенциальная и моральная задача для индивида – взаимодействовать (коммуницировать) с родом и тем самым энергично самоосуществляться в качестве такого *отдельного* (энергичной гилеморфной структуры), которое принадлежит *общему* (с. 75-76). Соответственно, обретение добродетелей возможно только внутри родового существования, т.е. только через общение, коммуникацию.

Автор диссертации делает справедливый, вполне обоснованный и – главное – чрезвычайно актуальный вывод о том, что понятие «энергия» является ключевым для Аристотелевой этики, поскольку дает возможность раскрыть природу человека, понять его онтологический статус и сущность добродетелей, связать существование индивида с его «нравом» и способами общения (с. 79-81). Тем самым этика предстает как универсальное учение о сущности и добродетельности человека, тесно соотнесенное с метафизикой, гносеологией, антропологией и политикой Стагирита.

В дальнейшем автор диссертации рассматривает представления Аристотеля о структуре и специфике человеческой деятельности, а также анализирует переход от метафизики и антропологии к сугубо этическим проблемам. Детальное рассмотрение концепции «сознательного выбора», понятий «нрав», «привычка», «устой», «желание», «решение», «цель», «счастье» позволяет Р.С. Платонову выделить такую «энергичную» установку, как «цель-благо-счастье», которая организует всю этику Аристотеля как практическую науку о счастье (с. 96-97). Кроме того, здесь необходимо отметить прекрасный семантический анализ терминов и хорошее знание диссертантом историко-философской литературы.

В итоге автор приходит к заключению: взаимодействие рода и индивида в процессе энергичного самоосуществления последнего формирует (в числе прочего) человеческий нрав, и основой такого формирования является общение (коммуникация). Стало быть, общение (как процесс энергичного самоосуществления) лежит в основе морального действия и этики как науки.

Вторая глава диссертации посвящена анализу социального уровня коммуникации. Автор диссертации подробно рассматривает терминологию Аристотеля, с помощью которой он описывает процесс общения, а именно понятия (прежде всего) «ὁμιλία», «κοινωνία», «φιλία», «μίμησις» и др. Эти понятия как раз и позволяют в наиболее полном виде описать процесс коммуникации в различных его аспектах.

Анализируются также *формы общения* (семья, селение, полис) и его *виды* (межличностное, полисное). При этом полис раскрывается как высшая форма общения, завершение энергийной актуализации человека. Для полиса характерно *право* как институт справедливости и правосудности, опосредующий социальную коммуникацию (с. 134-138). Важность полиса как формы коммуникации и способа формирования морального действия невозможно переоценить, ибо именно здесь соединяются все практики общения. Соответственно, «полис — это всеохватный комплекс условий, чья целостность как раз соответствует целостности человека» (с. 135).

Автор делает обоснованное и важное заключение: согласно Аристотелю, моральную основу полисной коммуникации составляет свобода. И наоборот: свобода возможна, поскольку в коммуникацию вступают морально развитые люди. В этом случае сложное и мучительное согласование общего (полисного) с частным (индивидуальным) происходит не просто через морально развитую личность, но через коммуникацию таких личностей. Тогда в основе свободы лежит в первую очередь мораль, и только потом — право (с. 147-148). Таким образом, автор демонстрирует Аристотелево понимание социальной (коммуникативной) природы и сущности морали.

Весь предшествующий анализ второй главы позволил диссертанту сделать чрезвычайно значимой для целей исследования вывод: поскольку полис есть предельная форма коммуникации, то человек — это животное энергийно коммуницирующее. Только посредством коммуникации он становится человеком и моральной личностью (с. 152). Именно анализируемые выше понятия «ὁμιλία», «κοινωνία», «φιλία», которые оказываются не просто функционально, но и содержательно близкими, позволили автору заключить о том,

что моральный образ действия формируется в процессе коммуникации (с. 169).

Необходимо подчеркнуть, что для второй главы в целом также характерны обстоятельный лингвистический анализ терминов и прекрасное знание автором историко-философской литературы.

В третьей главе диссертации рассматривается индивидуальный уровень коммуникации. Здесь на первый план выходит анализ описания добродетелей. При первом способе добродетель предстает в качестве «середины»; при втором — в виде «должного».

Автор обоснованно подчеркивает, что концепцию середины не стоит воспринимать как способ определения добродетели. Дескрипция моральной добродетели как середины, по справедливому замечанию диссертанта, представляет собою, скорее, определенного рода «навигационную систему», благодаря которой можно сориентироваться лишь в отношении природы (но не содержания) поступка. «Середина» не дает ответа на вопрос, *как* именно нужно действовать в конкретной ситуации (с. 187). Таким образом, определение добродетели в качестве «середины» указывает лишь на целевую причину морального действия, но не раскрывает ни формы, ни материи, ни движущей причины добродетельного поступка (с. 192).

Иначе обстоит дело со вторым определением добродетели — через понятие «должного». И здесь Р.С. Платонов вполне справедливо приступает к тематизации добродетели с анализа терминов «δέον», «δεῖ».

Эти императивные термины — как показывает скрупулезный лингвистический анализ диссертанта — указывают на коммуникацию людей и отношение человека к самому себе как существу, обладающему чувством долга. Должное задается и обществом, и самим моральным субъектом и предполагает меру, справедливость и воздаяние. При этом везде «должное» описывается в его функциональном аспекте (с точки зрения цели и развития человека) и выражается в коммуникативных связях (кто кому, когда, что и как должен) (с. 198). Таким образом, «должное» выступает как функциональный и императивный, но не содержательный элемент этики Аристотеля.

Саму же императивность можно определить как парадигмальную связь эпистемы и практики (с. 207). Императивность на уровне сущего как такового представляет собою приближение к конечной цели в виде блага. Таким образом, императивность есть не что иное, как «действие движущей причины» (с. 211).

В качестве морального инструмента императивность предстает в качестве «экзистенциального давления взаимообусловленного развития частей души», а само это взаимодействие есть *аутокоммуникация* как общение человека внутри себя с самим собою. Аутокоммуникацию диссертант рассматривает через призму четырех причин. При этом материальной причиной выступают добродетели по природе, движущей – императивность, формальной – образование добродетельного склада души, целевой – экзистенциальный приоритет добродетели над пороком. Со временем аутокоммуникация становится для индивида приоритетнее, нежели межличностное и полисное общение (с. 213-214).

Анализ императивных понятий позволил диссертанту определить добродетель как «устойчивость правильного (должного, сообразного природе) поступка» (с. 214). Ключевой для процесса коммуникации является добродетель справедливости. Особым (синтетическим) значением обладает также такая добродетель как *величавость* (*μεγαλοψυχία*).

Величавость (как широта души) указывает на то, что человек, способный к подлинному развитию и правильно актуализирующий свои способности, может стать носителем и производителем подлинной красоты жизни, или красоты энергийного процесса. На этом пути он приобретает счастье (с. 230). Противоположное состояние души – злосчастье – является самой низкой ступенью развития души и характерно для «варвара» или же «раба по природе».

В заключении к диссертации в целом Р.С. Платонов подводит основные итоги исследования.

Характеризуя диссертацию в целом, нужно сказать, что она представляет собою целостное и законченное историко-философское исследование, обладающее несомненными актуальностью и новизной, выполненное на высоком теоретическом и методологическом уровне. Автор демонстрирует прекрасные аналитические и герменевтические способности, широкую философскую эрудицию, прекрасно знаком с первоисточниками, с отечественной и зарубежной историко-философской литературой. Все положения и выводы диссертации логически обоснованы и достоверны.

Новизна выводов диссертанта не вызывает возражений или сомнений. Все положения, которые Р.С. Платонов выносит на защиту, детально разработаны в диссертации, логически и материально аргументированы. Диссертация имеет четкую и продуманную структуру. Исследование написано хорошим языком, автор полностью ориентируется в современной философской терминологии.

Можно сделать заключение о том, что диссертация Р.С. Платонова представляет собой полностью самостоятельное, оригинальное, высокопрофессиональное исследование актуальной философской темы, обладающее высокой степенью новизны и обоснованности и соответствующая проблематике указанной специальности 09.00.03 – История философии.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в достаточном количестве публикаций автора в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Автореферат диссертации адекватно отражает ее структуру и содержание, раскрывает в сжатом виде основные положения и методологические принципы.

Однако, помимо указания на очевидные достижения, актуальность и новизну работы, можно высказать определенные замечания, которые, скорее, носят частный и рекомендательный характер.

1. В диссертации автор указывает, что «корреспондентская теория истинности позволяет нам сейчас – при наличии инструмента познания (Формулы

[четырёх причин]) – перейти от гносеологической проблематики к онтологической». Создается впечатление, что, во-первых, в данном случае сам Аристотель использует корреспондентскую теорию истины и, во-вторых, что она, действительно, способна осуществить такой переход. Однако ни то, ни другое нельзя признать обоснованным и достоверным.

Хотя Аристотеля включают в число родоначальников так называемой «корреспондентской» теории истины, он, несомненно, как методологически грамотный философ, не мог в полной мере опираться на нее в своих изысканиях. Именно по причине крайне низкой практической «работоспособности» этой теории Аристотель формулирует основы конвенционалистской теории истины (в трактате «Об истолковании»), а также прагматистской и когерентной. Из текста же диссертации складывается (возможно, ложное) впечатление о том, что Аристотель однозначно склонялся к «корреспондентской» теории.

2. В некоторых частях диссертации автор достаточно далеко отходит от непосредственного анализа учения Аристотеля и включается в полемику с современными философами-интерпретаторами Аристотеля (например, с А. Макинтайром, А. Валом и др.). И хотя такая полемика, безусловно, относится в целом к этике Аристотеля, тем не менее, текст работы делается «рыхлым», теряется основная нить той или иной главы.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Р.С. Платонова в полной мере отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложению

ям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель ПЛАТОНОВ Роман Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,
профессор кафедры Философии и социологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
СЕМЕНОВ Валерий Евгеньевич



В.Е. Семенов

23 ноября 2018 г.

Контактные данные:

Тел.: 84992448888, доб. 456; эл. почта: lab.kfised@msal.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 09.00.03. – История философии

Адрес места работы: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9,
кафедра Философии и социологии. Тел. МГЮА: 8 (499) 244-88-74. Эл. почта:
msal@msal.ru.

